

КАКОИ ШЕКСПИР НАМ НУЖЕН

Проблема критического освоения классического наследия на нашей сцене — одна из самых больших и сложных задач советского театра. О пользе классики написано и сказано уже достаточно много.

Мы не можем также пожаловаться на недостаточное количество классических пьес в нашем репертуаре, и нет нужды это количество увеличивать. Наоборот кое-каким театрам (как например Малому) следует очень серьезно призадуматься над современной советской пьесой. И если тем не менее перед советским театром вопрос о классическом репертуаре встает теперь во весь рост, то это потому, что наши театры до сих пор подходили к классическим постановкам недостаточно продуманно, в смысле трактовки и в значительной мере случайно в смысле отбора. Постановка того или иного классического произведения, главным образом, диктовалась либо режиссерскими вкусами и симпатиями, либо наличием подходящих актерских сил в труппе. Художественно-политическая, педагогическая сторона вопроса оставалась в тени и не играла решающей роли ни в отборе, ни в трактовке классических произведений. Отсюда необычайное однообразие наименований, бесконечное дублирование и возобновление в течение многих лет одних и тех же авторов и одних и тех же пьес.

С этой точки зрения следует бесспорно приветствовать появление на московских, ленинградских и провинциальных сценах большого количества шекспировских постановок. Шекспир классик из классиков. Неслучайно Маркс и Энгельс в своих искусствоведческих высказываниях неоднократно останавливались на проблемах шекспировской драматургии, как ведущих проблемах развития драматургии вообще. Неслучайно Маркс черпает в шекспировской драматургии образы, сравнения, эпитеты для иллюстрации и доказательства отдельных мыслей и положений. Идеи и художественные богатства шекспировской драматургии, ее реализм, сочетающийся с яркой театральностью, делают из нее инструмент огромной познавательной силы. Найти правильный ключ к раскрытию Шекспира — это значит в основном найти ключ к критическому освоению классического наследия на советской сцене.

К сожалению, мы еще не знаем, не видели «живого» Шекспира. Он до сих пор скрыт от нас под многочисленными наслоениями идеалистических толкований. Никого, пожалуй, так не коснулось мертвящая рука псевдоученой схоластики, как Шекспира. Мы не сторонники того, чтобы из классики делать икону, классическое произведение должно быть острым, действенным и актуальным оружием во всей нашей системе художественно-политического воспитания. Из Шекспира даже не делали иконы. Произведения Шекспира слишком часто в руках иных шекспироведов становились не более, как предлогом для литературно-исторических экскурсов и комментариев, под которыми безнадежно погребались живая жизнь, темперамент и страстность Шекспира. Шекспировская живописность, прославленная Марксом, усилиями опытных экспериментаторов и формалистов превращалась в зрелище бесплотное и анемичное.

Кто же в конце-концов Шекспир? Бэкон или Ретленд? Что же именно принадлежит Шекспиру, а что написано не им? Да жил ли вообще Шекспир? — вот вопросы, которые по сей день волнуют шекспироведческую мысль. Мы не отрицаем важности этих изысканий, но позволяем себе думать, что они крайне неактуальны. А между тем, эти и подобного рода изыскания в известной мере затуманивали самое существо шекспировской драматургии.

Шекспировские постановки за прошедшие 16 лет либо шли по пути реставрации ложно-классических традиций, либо по пути голого формального экспериментаторства. Между этими двумя «крайностями» — отдельные попытки переключения Шекспира в план вульгарного бытовизма и мистического его трактовки. Все это вместе взятое безжалостно коверкало и ломало реалистическую ткань шекспировской драматургии. В результате Шекспир часто «не доходил». И неудивительно, он был скрыт от зрителя за семью печатями формализма и традиционализма в различных их проявлениях. Самый живой, самый страстный, занимательный и живописный драматург предстал перед нами в зашумленном, ходульном и умученном трюками и трючками виде.

Перед советским театром стоит почетная задача — освободить Шекспира от всяческого идеалистиче-

ского и формалистского шлама, вернуть ему его реализм и живописность, вскрыть социальный смысл его драматургии, не отрываясь от конкретного исторического фона и не выхолащивая идейного содержания его пьес. Пути современного освоения Шекспира одинаково чужды и голому реставраторству и механистическому приспособлению его идей к современности. Идеиное богатство Шекспира социальным содержанием его драматургии дает полную возможность для реалистической и актуальной его трактовки и без насилий над автором.

Борьба за Шекспира в наши дни на советской сцене — это борьба за реалистический спектакль на наиболее квалифицированных в актерском и драматургическом смысле образах.

Социалистический реализм — это генеральный путь развития советского театра. На этом пути овладение Шекспиром будет содействовать накоплению опыта, квалификации и учебе наших театров и наших драматургов на первоклассном материале.

Этот опыт, эта квалификация, эта учеба особенно нужны нашим молодым театрам, представляющим собой очень крепкие с художественной и идейной стороны организации, которые почти не прошли классической школы. А между тем в молодых послереволюционных театрах часто исполнению отдельных актеров не хватает диапазона, драматической мощи и темперамента в изображении героев наших дней, т. е. часто не хватает как раз того, что дается первоклассным классическим материалом. Шекспировская драматургия — драматургия больших чувств, идей и сильных и активных страстей, — наилучшая актерская школа для изображения современного человека. И правильно делает театр Революции, когда включает в свой репертуар Шекспира. С одной стороны, этому театру все дано для правильного современного идейного вскрытия Шекспира, с другой стороны, это для него тренажер для исполнения будущей советской классики.

Особо нужно остановиться на переводах Шекспира. Переводы — это едва ли не самое большое место в

деле освоения Шекспира. Подавляющее большинство старых переводов приглаживали, припомаживали, припудривали «грубого» Шекспира, безжалостно его кромсали и часто в прямом смысле извращали... В случае точных переводов они давались в таких выспренных, ложноклассических, а иногда прямо-таки церковно-славянских виршах, что даже при соблюдении точного смысла выхолащивали живой дух шекспировских пьес. За последнее время появились переводы Лозинского, Радловой, которые пытаются, и весьма успешно, вернуть Шекспиру реалистическое звучание. Но борьба за переводы только начала. И дело чести наших англоведов и шекспироведов довести ее до победного конца.

Проблема освоения классического наследия, само собой разумеется, не ограничивается только Шекспиром. Но Шекспир — «ведущий» всей фаланги драматургов-классиков. Критическое освоение Шекспира — это наилучший экзамен на освоение классики вообще. Мы имеем все возможности и силы для организации блестящих классических, в том числе и шекспировских спектаклей. Более того, по настоящему они только у нас — в стране огромного расцвета искусств — и могут быть осуществлены. Как бы ни были неудачны с точки зрения наших повышенных требований отдельные наши классические постановки, они бесконечно выше того, что дает деградирующий буржуазный театр. Одолеть монолит шекспировской драматургии явно не под силу измельчавшей и упавочной буржуазной театральной мысли. Буржуазной выдумки только и хватает на Гамлета во фраке, на Офелию в купальном костюме, на «Сон в летнюю ночь» с герлс на омозиккоденного Шекспира, призванного эпатировать уставшего и разочарованного буржуазного зрителя.

Лучшие произведения мировой классики, произведения Шекспира, могут быть со всей полнотой и яркостью, со всей силой, бодростью показаны только у нас, в стране бурно растущей культуры, в стране социализма.

Пролетариат вступает в права наследства.